

*Изъ дневника діакона село-Бегишевской Крестовоздвиженской
церкви Тобольскаго уѣзда Іоанна Купцова.*

Я происхожу изъ старо-крещеныхъ татаръ, родился въ Казанской епархіи, въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Обучался я въ Казанской центральной крещено-татарской школѣ. Въ 1904 году я былъ принятъ на службу въ Тобольскую епархію и рукоположенъ Преосвященнѣйшимъ Антоніемъ во діакона къ село-Бегишевской Крестовоздвиженской, церкви Тобольскаго уѣзда. Коренное русское населеніе приняло меня въ приходѣ радостно и благосклонно. Татары же отнеслись недовѣрчиво: на предложенные мною вопросы старались отвѣчать по возможности на русскомъ языкѣ, считая меня за русскаго, понимающаго по-татарски

Для просвѣщенія русскихъ прочитывались мною при удобныхъ случаяхъ въ домахъ прихожанъ, у себя дома и въ церкви статьи изъ „Троицкихъ листковъ“:—1) „Двѣ лѣствицы“, 2) „Не одна

вѣра и не одни добрыя дѣла нужны для спасенія, но вѣра, свидѣтельствуемая добрыми дѣлами, совершенными во смиреніи“, 3) „Аще хоцещи внити въ животъ, соблюди заповѣди“, 4) „Притча о самонадѣянномъ странникѣ“, 5) „Что такое Церковь Христова?“, 6) „Кромѣ Церкви православной нигдѣ нельзя обрѣсти спасеніе“, 7) „Православіе—наше сокровище“, 8) „Что такое заповѣди церковныя?“, 9) „Духъ церковнаго воспитанія“, 10) „Какъ учить о постѣ Священное Писаніе“, 11) „Что такое св. Четырдесятница?“, 12) „Для чего установлена Четырдесятница?“, 13) „Церковная молитва выше домашней“, 14) „Что такое анаеема?“, 15) „И Богъ требуетъ, и душа проситъ исповѣди“, 16) „Почему мы почитаемъ крестъ Христовъ?“, 17) Крестное знаменіе“ и т. д. Кромѣ того читалъ я изданія Алек. Невск. Общ. трезв.: „Бѣгай пьянства“, „Христіанскій совѣтъ отстать отъ пьянства, сквернословія и другихъ пороковъ“, „Слова противъ пьянства Іоанна Ильича Сергіева Кронштадтскаго“ (изд. Казан. общ. трезв.).

Съ татарами ведено 14 бесѣдъ на темы: о единствѣ Божіемъ, о воплощеніи Сына Божія, о жизни Его, страшномъ судѣ, о почитаніи св. иконъ, о постахъ, о молитвахъ христіанскихъ и магометанскихъ, о происхожденіи І. Христа и Мухаммеда, о мощахъ, о землѣ и небесныхъ тѣлахъ и о мн. друг. Во время бесѣдъ процѣты были мною на татарскомъ языкѣ нѣсколько молитвъ изъ литургіи и всеобщаго бдѣнія.

Между татарами Волжско-Камскаго края и здѣшними нахожу разницу: въ нарѣчій, въ типѣ лица, въ одеждѣ, въ жилищахъ, въ пищѣ; женщины здѣсь не скрываютъ свои лица отъ мужчинъ.

Татарскихъ дѣтей, обучающихся въ школахъ нашего прихода—двое.

Для улучшенія миссіонерскаго дѣла, по моему мнѣнію, нужно обучать татарскихъ дѣтей русской грамотѣ бесплатно. Многіе татары изъявили мнѣ желаніе обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ въ томъ случаѣ, если учитель будетъ изъ татаръ, но не изъ русскихъ, не понимающихъ татарскаго языка. Многихъ татаръ пугаетъ плата за ученіе.

Бесѣда 1-я. Января 20 дня въ приходской деревнѣ Мысаевой въ одномъ домѣ встрѣтилъ нѣсколько татаръ, сидѣвшихъ преспокой-

но предъ иконами въ шапкахъ и весело разговаривавшихъ за табакокурениемъ о своихъ дѣлахъ. Личности незнакомыя. Обращаюсь къ нимъ по-татарски: „вы почему въ такой теплой комнатѣ (на срединѣ комнаты топилась желѣзная печка) сидите въ шапкахъ? Вѣдь безъ того вамъ жарко“. — „Мы привыкли сидѣть въ комнатѣ въ шапкахъ, для насъ этотъ жаръ ничего не значитъ“, отвѣтилъ одинъ изъ татаръ. — „Здѣсь, въ комнатѣ, есть изображенія святыхъ Божіихъ, предъ которыми не позволяется быть въ шапкахъ“. — „А намъ какое дѣло до нихъ?“ „Мы вашу вѣру не держимъ!“ кричалъ другой татаринъ. „А почему вы нашу вѣру не держите?“ — „Мы знаемъ только одного Бога и пророка его Мухаммеда, а у васъ, русскихъ, нѣсколько боговъ и мать у нихъ есть. Мы признаемъ такого Бога, Который никогда не родился и не умретъ и никакой матери не имѣетъ. Ваши русскіе вотъ и эти штуки признаютъ за Бога“, сказалъ одинъ, указывая головой на иконы. — „Нѣтъ, нѣтъ! Вы имѣете очень темное понятіе о нашей христіанской вѣрѣ. Мы иконы почитаемъ не какъ Бога, а какъ изображенія святыхъ. Иконы—не боги. Богъ одинъ, но троиченъ въ лицахъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святой. Лица эти между Собою нераздѣльны и неслиянны и имѣютъ одинаковое достоинство, вѣчность, славу и честь. Никто изъ Лицъ Св. Троицы ни больше, ни меньше, не старше, ни моложе. Весь міръ сотворенъ Трїединнымъ Богомъ. Изъ троичности нельзя заключать, что три бога. Солнце одно, но имѣетъ три свойства: первое—само солнце, второе—свѣтъ его и третье—теплота его, и всѣ эти три свойства составляютъ одно солнце. Какъ солнце, свѣтъ и теплота его другъ отъ друга не могутъ раздѣляться, такъ они не могутъ и сливаться. Другой примѣръ мы видимъ въ деревѣ: стволъ, вѣтви, корни составляютъ одно дерево. Стволъ не можетъ быть безъ корня и вѣтвей, вѣтви безъ ствола и корня, и корень безъ ствола и вѣтвей. Всѣ эти отдѣльные предметы, составляя одно между собою, не могутъ ни раздѣляться, ни сливаться. Изъ сказанныхъ примѣровъ можно вывести понятіе о троичности Единого Бога. Этотъ Трїединный Богъ для спасенія людей отъ вѣчнаго адскаго мученія, сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ кромѣ грѣха, не переставая быть Богомъ, родился чудеснымъ образомъ отъ Св. Дѣвы Маріи, которая какъ родительница Богочеловѣка, называется Божіей Матерью. — „А вы почему кланяе-

тесъ доскѣ, когда она не Богъ?“— „Мы кланяемся не доскѣ или краскѣ, а тому святому, который изображенъ красками на доскѣ; взирая во время молитвы на ликъ изображеннаго святого, мы вспоминаемъ его ученіе и жизнь, дающія намъ примѣръ, и молимъ самого святого, а не доску или краску, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ Богомъ за насъ грѣшныхъ“. Татары, не дожидаясь конца моего объясненія, молча вышли изъ комнаты. Очень жаль, что многіе русскіе православные христіане по своему невѣдѣнію называютъ иконы Богомъ: это даетъ мухаммеданамъ поводъ думать, что у русскихъ много боговъ и чрезъ это сомнѣваться въ истинности христіанской вѣры.

Бесѣда 2-я. 8-го февраля. Въ приходской деревнѣ Мысаевой живутъ татары—земскіе ямщики, всѣхъ 4 человекъ: старикъ Юсупъ 60 лѣтъ, внучекъ его 10 лѣтъ и двое молодыхъ татаръ по 25 л. Проѣзжая по этой деревнѣ, однажды на улицѣ встрѣтился съ этими послѣдними. Они, не смотря на трескучій морозъ, шли по дорогѣ почему-то безъ шапокъ, только въ однѣхъ тюбетейкахъ (аракчинахъ). Поровнявшись съ ними, говорю имъ по-татарски: „Ну, братцы, вы плохо бережете свое здоровье, особенно голову. Волосы, данные намъ Богомъ, вы брѣете да вдобавокъ въ такой морозный день идете по улицѣ безъ шапокъ. Вы вѣдь можете простудиться и отправиться на тотъ свѣтъ“.— „Для насъ все равно: двухъ смертей не бываетъ, одной не миновать“, сказалъ одинъ, а другой добавилъ: „умремъ—такъ похоронять, убытку много не будетъ“.— „Зачѣмъ же вы брѣете свои головы: вѣдь неудобно безъ волосъ. Если бы они были не нужны, то Богъ не растилъ бы ихъ, должно быть они нужны человеку?“— „Нашъ магометанскій законъ такъ велитъ“.— „А почему такъ велитъ?“— „Чтобы хорошо было драться!“ Сказавъ это, оба отъ удовольствія захохотали.— „Молодецъ, братъ, ты: удачно отвѣтилъ. А съ кѣмъ ты хочешь драться?“— „Съ кѣмъ придется: съ татаринимъ-ли, съ русскимъ-ли—все равно; впрочемъ, драться съ послѣднимъ было бы удобнѣе“, сказалъ одинъ съ воодушевленіемъ.— „Богъ драться не велитъ, а велитъ жить дружно со всѣми, любить другъ друга и прощать обиды“.— „Какъ же мы не будемъ драться, когда намъ Мухаммедъ приказываетъ убивать невѣрныхъ?“— „А вы зачѣмъ же слушаете его, а не Самого Бога; Богъ не желаетъ, чтобы люди дрались и убивали другъ друга, Мухаммедъ же даже приказываетъ убивать

значить, онъ противникъ Богу, врагъ, дѣйствующій противъ воли Божіей“. Слушая меня, мои собесѣдники очень продрогли. Не имѣя возможности продолжать со мною разсужденія, они принуждены были оставить меня. Разговора послѣ этого мнѣ уже больше не пришлось съ ними имѣть.

Беседа 3-я Въ тотъ же день и въ той же деревнѣ въ домѣ церковнаго старосты засталъ я ямщика старика—Юсупа. Прочиталъ ему на татарскомъ языкѣ изъ книжки: „Первоначальныя свѣдѣнія о православной Христовой вѣрѣ“ о томъ, какое благо бываетъ человеку, принявшему истинную вѣру и окрестившемуся, объ истинномъ Богѣ, о сотвореніи міра, о томъ, какъ для спасенія человека Богъ приходилъ на землю и какъ, сдѣлавшись человекомъ, жилъ на землѣ и чему училъ людей. Татаринъ слушалъ все со вниманіемъ. На предложенные мною вопросы онъ ничего не отвѣчалъ, лишь только жаловался на свою неграмотность, на необразованность. Не имѣя времени продолжать далѣе бесѣду, я на первый разъ ограничился чтеніемъ вышеупомянутыхъ статей. Прощаясь съ Юсупомъ, я попросилъ его при удобныхъ случаяхъ заходить ко мнѣ слушать чтенія на татарскомъ языкѣ.

— „Хорошо, если время позволить, буду. Мы вѣдь постоянно въ вѣздѣ, рѣдко имѣемъ свободное время“, сказалъ Юсупъ.

Беседа 4-я. Февраля 13-го заѣхали ко мнѣ два татарина. Попросили напоить ихъ чаемъ и, если можно, купить полбутылки вина. Первую просьбу я могъ удовлетворить, а вторую нѣтъ. Среди разговора одинъ изъ татаръ, по фамиліи Пономаревъ, сказалъ, что онъ россійскій, живетъ въ Тобольскѣ, въ домѣ своего родителя около Абрамовскаго моста, и что онъ знаетъ татарина-псаломщика по имени Іоанна, у котораго онъ когда-то находился въ оглашеніи въ архіерейскомъ домѣ, желая окреститься, но окончить дѣло обращенія въ христіанство помѣшали ему его родители.— „А ты знаешь, гдѣ находится этотъ псаломщикъ Іоаннъ“? спросилъ я его.— „Не знаю. Славный онъ былъ“.

„Я его знаю: вмѣстѣ съ нимъ учился въ Казани; въ настоящее время онъ діаконъ и живетъ въ с. Куларовскомъ, въ 30 верстахъ отъ насъ“. — „Мнѣ очень хочется видѣть его; теперь узналъ, гдѣ онъ, когда-нибудь побываю у него“, сказалъ Пономаревъ. Въ это время товарищъ его вышелъ къ лошадямъ. Пономаревъ, оставшись наединѣ со мной, заявилъ, что онъ желаетъ принять христіанство, но только въ томъ случаѣ, если ему найдутъ подходящую красивую невѣсту и обвѣнчаютъ здѣсь, въ Бѣгшевъ. „Ты окрестись сперва, а потомъ будемъ искать тебѣ подходящую невѣсту по твоему вкусу“, сказалъ я. — „Нѣтъ, вы найдите впередъ невѣсту, а потомъ я окрестусь и повѣнчаюсь“, сказалъ Пономаревъ, смѣясь.

— „Ну хорошо; постараемся сыскать“... Я не докончилъ своей рѣчи, какъ въ комнату вошелъ другой татаринъ. При его входѣ Пономаревъ попросилъ меня оставить нашъ разговоръ, чтобы не догадался товарищъ. Направляя разговоръ въ другую сторону при товарищѣ, Пономаревъ сказалъ: „Нельзя-ли, Иванъ, послать хотя бы за шкаликомъ“. — „Нѣтъ, нельзя: я и самъ не пью и людямъ не совѣтую и не позволяю въ своей квартирѣ этимъ дѣломъ заниматься“, сказалъ я. — „А ты почему потъ вина такъ строго отказываешься, Иванъ“? — „Потому что черезъ вино человекъ портится и тѣлесно и духовно, приходитъ въ бѣдность, научается худымъ дѣламъ, теряетъ въ народѣ уваженіе къ себѣ, грѣшитъ предъ людьми и Богомъ, теряетъ свое здоровье и тѣмъ сокращаетъ свою жизнь, однимъ словомъ, черезъ вино люди гибнутъ. Имѣя все это въ виду, я не желаю приучить себя къ такому пагубному дѣлу. Не желаете ли вы вмѣсто того, чтобы послать за шкаликомъ, слушать чтеніе на татарскомъ языкѣ о томъ, до чего доводитъ пьянство“?

— „Ну, читай“. Досталъ я брошюрку о вредѣ пьянства и прочиталъ. Во время чтенія татары занимались чаепитіемъ. Послѣ чтенія Пономаревъ говоритъ: „Вотъ, Иванъ, въ книгѣ написано все правильно, а я безъ вина не могу жить, если маленько выцью, могу работать, а если нѣтъ, то дѣло — шабашъ, — въ руки нейдетъ“. — „Ты еще молодой, сказалъ я, и то не можешь обойтись безъ вина, а какъ ты будешь жить безъ него подъ старость лѣтъ, если не остановишься? Вѣдь потребность въ винѣ ежегодно будетъ увеличиваться. Никто не родится пьяницей, а доходитъ до того путемъ по-

степеннаго употребленія. Счастливъ тотъ, кто успеетъ во время оставиться“. — „Иванъ, по твоимъ словамъ, попробую бросить“, сказал Пономаревъ. — „А ты дай слово Богу сейчасъ же, что съ сего дня не будешь пить вина“. — „Нѣтъ, сейчасъ не дамъ. Я самъ знаю когда дать“. — „Воля твоя, какъ хочешь. Совѣтовать можно, неволить нельзя“, замѣтилъ я. Поблагодаривъ за угощеніе, татары вздумали ѣхать. Товарищъ Пономарева ушелъ впередъ. По уходѣ его мы стали продолжать вкратцѣ нашъ разговоръ. — „Я приѣду къ вамъ“ началъ Пономаревъ; „черезъ 10 дней обязательно и окрещусь, а васъ прошу не отказаться быть воспріемникомъ. Мнѣ желательно окреститься только въ Бегишевской церкви, больше нигдѣ. Прощайте! Ждите безъ сомнѣнія“. Послѣ этого прошло уже не только 10 дней, но проходитъ ужъ цѣлый годъ, а Пономарева все еще нѣтъ.

(Продолженіе будетъ.)

Бесѣда 5-я. Мая 1-го дня заѣхали къ намъ татары изъ Кульмаметовскихъ юртъ, всѣхъ пять человѣкъ: мужъ съ женой и съ ними трое дѣтей, двое изъ нихъ маленькія, лѣтъ 7—8. Просили они у насъ напиться воды. Я предложилъ имъ чаю. Предложеніе мое было принято съ радостью. Пока кипѣлъ самоваръ, татары старались узнать подробно мою личность. Объясняя свое происхожденіе, я сказалъ между прочимъ: „старо-крещеные татары до того утвердились въ православной христіанской вѣрѣ, что построили очень много церквей, въ которыхъ священники, діакона и псаломщики всѣ изъ татаръ и служатъ на понятномъ татарскомъ языкѣ, что привлекаетъ въ церковь очень

много крещеныхъ татаръ. Особенно привлекаетъ стройное хоровое пѣніе на татарскомъ языкѣ“. — „А ты знаешь такое пѣніе?“ спросили они. „Какъ не знать: я самъ былъ учителемъ такого пѣнія и пѣли у меня въ хору около 30 человекъ: женатые и холостые мужчины, дѣвицы и учащіеся мальчики и дѣвочки“. — „А что же вы поете?“ — „Если желаете слышать, то я вамъ спою какую-нибудь молитву для примѣра“. — „Пойте, пойте! мы послушаемъ!“ кричали татары. Досталъ я скрипку, настроилъ ее по камертону и пропѣлъ басомъ подъ скрипку слѣдующія молитвы: „Отче нашъ...“, „Господи воззвахъ на 3 и 7 гл., тропари воскресные 3 и 7 гласовъ, „Благослови, душе моя, Господа“, „Тебе поемъ“, „Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ“ и проч. Такое пѣніе молитвъ на родномъ для татаръ языкѣ удивило ихъ. „Подобнаго пѣнія мы никогда не слышали“, говорили они. Послѣ пѣнія я читалъ изъ служебника нѣкоторыя молитвы и эктениі на татарскомъ языкѣ для показанія превосходства ясности и понятности нашихъ молитвъ предъ мухаммеданскими. Покамѣстъ я читалъ и пѣлъ, татары напились чаю, поблагодарили за угощеніе и, приглашая къ себѣ въ гости, очень довольные уѣхали.

Бесѣда 6-я. Мая 23-го дня по своимъ дѣламъ пришлось мнѣ быть въ Вагайскихъ юртахъ, находящихся въ 8 верстахъ отъ с. Бегищева. Желая познакомиться съ муллою этихъ юртъ, я пошелъ къ нему съ домъ. Его дома не засталъ, находился онъ въ это время въ мечети за молитвой. Семейство же его сидѣло за столомъ и занималось чаепитіемъ. Внезапный мой приходъ привелъ татаръ въ недоумѣніе тѣмъ болѣе, что я заговорилъ по-татарски. „Что тебѣ нужно?“ спросилъ кто-то по-русски. — „Будучи самъ изъ татаръ, хочу познакомиться съ вашимъ муллою“, сказалъ я по-татарски, усаживаясь на возвышенный полъ (стульевъ татары не имѣютъ). — „Его дома нѣтъ, онъ въ мечети“, кричалъ тотъ же голосъ. — „Скоро ли придетъ онъ домой?“ спросилъ я. — „Ушелъ давно, долженъ скоро придти“. — „Ну, въ такомъ случаѣ дождусь его“. Въ ожиданіи муллы я познакомилъ татаръ со своею личностью и происхожденіемъ, что привело ихъ въ изумленіе. Одна пожилая женщина выразила сожалѣніе о моемъ пребываніи въ нехорошей (по ихъ понятію) русской вѣрѣ, тогда какъ я могъ бы быть самымъ хорошимъ муллою. Въ это время приходитъ изъ мечети самъ мулла. Я привѣтствую его такимъ выраженіемъ, которое обыкновенно

употребляется у татаръ при встрѣчѣ другъ съ другомъ, а именно: первый говоритъ: „саллем аликкем“, второй отвѣчаетъ: „аллик кем саламя“. На мое привѣтствіе отвѣта не получаю, какъ подобаетъ по подброду. Я обращаю на это вниманіе и спрашиваю, почему мулла не отвѣчаетъ мнѣ на мое привѣтствіе.— „Я вижу, ты не татаринъ, а кто не татаринъ, тому отвѣчать по доброду наша вѣра не дозволяетъ, отвѣтилъ мулла.— „А вы почему можете знать, что я не татаринъ?— По всему. „А именно?“— „У тебя голова не брита, одежда на тебѣ не татарская, на шеѣ, должно быть, есть крестъ“, сказалъ мулла.— „Ну, братіе, вы сильно ошибаетесь: основываясь на перечисленныхъ вами примѣтахъ нельзя заключить, что я не татаринъ. Напротивъ, я совершенный татаринъ, христіанинъ“.— „Ты скинь съ себя крестъ, выбрей голову, надѣнь аракинъ и переодѣнься въ татарскую одежду, тогда мы будемъ отвѣчать тебѣ при встрѣчахъ по настоящему“.— „Требуя внѣшней моей перемѣны вы опять таки ошибаетесь: представляя изъ себя татарина по вашему желанію, я могу остаться въ то же время настоящимъ христіаниномъ. Вы будете видѣть только мою внѣшность, а душа моя, самое важное въ религіозномъ отношеніи, будетъ вамъ не извѣстна. Брить свою голову безъ нужды я никогда не стану. Это противно Богу и природѣ. Крестъ, который ношу на своей шеѣ для всегдашняго воспоминанія крестныхъ страданій Спасителя нашего Іисуса Христа, претерпѣвшаго ихъ для избавленія рода человѣческаго отъ грѣха, проклятія, смерти и дарованія жизни вѣчной въ царствѣ небесномъ, я никогда не брошу“. При этихъ словахъ мулла молча вышелъ изъ комнаты и болѣе не показывался. Остальные татары начали смотрѣть на меня какъ-то недрожелюбно и въ концѣ концовъ стали выражаться такъ: „Кто тебя звалъ сюда? Какое тебѣ дѣло до насъ? Ты пришелъ, должно быть, только беспокоить нашего муллу“. Последнее было сказано сердитымъ тономъ. Желая привести хозяевъ въ хорошее настроеніе духа, я сталъ объяснять имъ о томъ, что пришелъ я къ нимъ вовсе не для того, чтобъ беспокоить муллу, а для того, чтобы, во первыхъ, познакомиться съ муллою, а потомъ быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, во вторыхъ, чтобы исполнить, свой христіанскій долгъ. Въ нашемъ Евангеліи говорится: „идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа“, въ другомъ мѣстѣ Евангелія говорится: „идите, проповѣдуйте Евангеліе царствія Божія всѣмъ наро-

дамъ“. На основаніи этихъ словъ Евангелія наша христіанская вѣра обязываетъ всѣхъ христіанъ проповѣдывать христіанство всякому народу безъ различія.— „Ты самъ сбился съ пути, да и насъ, видно, хочешь сбить. Нѣтъ братъ, тебѣ насъ не учить, у насъ свой мулла есть, не хуже тебя. Мы очень хорошо понимаемъ, къ чему клонятся твои рѣчи. Лучше время свое не проводи у насъ попустому. Отъ насъ ничего не добьешься. Уходи, пока цѣль“.

Видя, что татары только злятся на меня, и мулла не выходитъ ко мнѣ, я ушелъ.

Бесѣда 7-я. Юня 17 дня я вдумалъ сходить въ Кульмаметовскія юрты съ цѣлью поговорить съ татарами о чемънибудь божественномъ. Въ этихъ юртахъ есть у меня знакомые татары, одинъ изъ нихъ по имени Мухамедша, лѣтъ 70, человекъ зажиточный, съ большимъ семействомъ. Онъ, увидя меня около своего дома, пригласилъ къ себѣ. Приняли меня, какъ знакомаго человека, радостно. Старикъ Мухаммедша сейчасъ же сдѣлалъ распоряженія: кого послалъ въ бакалейную лавку за покупками, кого заставилъ скорѣе поставить самоваръ, меня просилъ пройти впередъ и сѣсть на почетномъ мѣстѣ, что я и исполнилъ. Мухаммедша бывалъ у меня нѣсколько разъ въ квартирѣ, слушалъ мой разговоръ и чтеніе на татарскомъ языкѣ и просилъ побывать когда-нибудь у него въ домѣ съ моими книгами на татарскомъ языкѣ. Отправляясь въ путешествіе, я не забылъ захватить съ собою нужныя книжки. Мухаммедша когда-то слышалъ чтеніе о страшномъ судѣ, что ему очень понравилось. Сказывалъ онъ объ этомъ и своей старухѣ. „Мы слышали, что ты мастеръ по-татарски читать. Нѣтъ ли у тебя съ собой какой-нибудь книжки“, сказала старуха-хозяйка.— „Есть; если хотите слышать, то я съ удовольствіемъ прочту для васъ что-нибудь“, сказалъ я, доставая книжки изъ кармана.— „Читай, читай, мы слышать хотимъ“, заявила хозяйка. По желанію хозяйки начинаю читать о страшномъ судѣ. Всѣ примолкли. Дѣтямъ тоже пригрозили, чтобы не шумѣли. Во время чтенія явился ко мнѣ учитель Абдуль-Хази. Чтеніе татарамъ понравилось. Я прочиталъ тогда имъ объ І. Христѣ и Мухаммедѣ. По моей просьбѣ достали коранъ. Прочитавъ отрывокъ о томъ, что Мухаммедъ былъ простой смертный человекъ и не имѣлъ въ себѣ ничего божественнаго, какъ онъ справедливо училъ самъ о себѣ въ

коранъ, я просилъ учителя Абдулла-Хазиса найти въ коранѣ эти слова Муххаммеда и читать; при этомъ указалъ на 2 стихъ 62-й главы. Учитель долго сидѣлъ, перелистывая коранъ, но не могъ найти указаннаго стиха. Чтеніе о превосходствѣ І. Христа надъ Муххаммедомъ татарамъ не особенно нравилось. Число любопытныхъ слушателей стало возрастать.

— „Ты все хвалишь только свою сторону или вѣру, а нашу унижаешь, сказалъ одинъ изъ слушателей. Если ваша вѣра хороша, то почему она дозволяетъ пьянствовать?“ — „Пьянствуютъ, вѣдь не только одни христіане, но и магометане, не смотря на то, что это воспрещено для нихъ Магаметомъ. Я думаю, вы тоже не согласитесь съ тѣмъ, что если я скажу на основаніи примѣра пьянствующихъ татаръ, что магометанская вѣра дозволяетъ пьянствовать“. — „Нѣтъ, нѣтъ, наша вѣра никакъ не допускаетъ нить вино“, твердили почти всѣ. — „А почему же я частенько вижу пьяныхъ татаръ?“ — А у васъ, русскихъ, всѣ господа пьютъ, у насъ же татаръ „только нехорошіе татары“. — „Мнѣ приходилось видѣть и вашихъ господъ пьяными“. Всѣ замолчали. — „Какъ ваша вѣра не дозволяетъ пьянствовать, такъ и наша, продолжалъ я. Нарушители закона есть какъ въ нашей вѣрѣ, такъ и въ вашей. Чрезъ неисполненіе предписаній закона вѣдь не унижается достоинство его. Запрещая пьянство, издають разные книжки. Одна изъ такихъ переведена даже на татарскій языкъ; если желаете, то сейчасъ я вамъ прочту ее“. „Читай, если есть съ тобою такая книжка“, сказалъ Муххаммедша. Я прочиталъ книжку „До чего доводитъ пьянство“. Книжка очень понравилась татарамъ.

(Продолженіе будетъ).

Бесѣда 9-ая.

21 августа мой знакомый татаринъ—Мифтахутдинъ пріѣхаль по своимъ дѣламъ въ село Бегишево и пришель ко мнѣ въ квартиру. Какъ знакомаго человѣка, я приняль его радостно и посадиль пить чай. Берясь за стаканъ, татаринъ шепотомъ произнесъ свою молитву и сталъ спрашивать: „почему и давно ли я испортился, т. е. окрестился“.

— „Меня окрестили маленькаго, какъ только я родился“, отвѣтилъ я.— „Почему же ты теперь не переходишь въ магометантскую вѣру“?— „Потому что она хуже христіанской во всѣхъ отношеніяхъ и обнаруживаетъ во всемъ свою ложность. Христіанская же вѣра показываетъ со всѣхъ сторонъ свою истинность, божественность“.— „А въ чемъ именно ваша вѣра лучше нашей“?— „Если хочешь, я тебѣ перечислю по книжкѣ; въ противномъ случаѣ, ты, можетъ быть, не повѣришь“. Я досталь при этомъ книжку— „Объ Іисусѣ Христѣ и Му-

хаммедъ“ и сталъ читать, начиная съ первой страницы. Когда я прочиталъ отрывокъ о томъ, что Мухаммедъ не сотворилъ ни одного чуда, то татаринъ возразилъ: „это неправильно у васъ напечатано, этой книжкѣ вѣрить нельзя: Магометъ творилъ неисчислимое множество чудесъ“. — „Какія именно“? — „Теперь я всѣхъ не могу припомнить“. — „Скажи хоть одно только изъ нихъ“. — „Онъ силою своей молитвы воскресилъ мать свою Эмину, которая увѣрилась послѣ этого въ посланничество своего сына и сказала: „воистину, ты, Мухаммедъ, — пророкъ Божій“. — „О неправдоподобности этого чуда свидѣтельствуешь самъ Мухаммедъ, говоря, что онъ не чудотворецъ. (Кор. 29 гл. 49 стихъ). Какъ же это у васъ вопреки собственному отреченію Мухаммеда отъ чудесъ приписываютъ ему неисчислимое множество ихъ. Напримѣръ: Ахмедъ Эфендій подробно рассказываетъ про чудеса, которыя будто предваряли и сопровождали рожденіе, жизнь, и кончину Мухаммеда, о радостныхъ восклицаніяхъ всѣхъ легионовъ духовъ и безплотныхъ существъ при рожденіи пророка, о свѣтѣ, коимъ пророкъ былъ объятъ при рожденіи, и который, распространившись по всей вселенной, освѣтилъ собою востокъ и западъ, о томъ, будто Мухаммедъ произошелъ на свѣтѣ уже обрѣзаннымъ, о необыкновенномъ ростѣ Мухаммеда, который по своему желанію тотчасъ же перешелъ изъ младенческаго возраста въ возрастъ мужа, о двухъ ангелахъ, покрывавшихъ его всегда своими крыльями во всѣхъ воинскихъ походахъ, о словахъ его, будто имѣвшихъ силу оживлять засохшія деревья и въ одно мгновеніе потомъ покрываться не только листьями, но и плодами, о томъ, что деревья выходили къ нему навстрѣчу, камни привѣтствовали его, источники истекали изъ-подъ его пальцевъ и о томъ, что, предвидѣвъ послѣднее издыханіе пророка, ангелъ смерти только съ его согласія взялъ его душу и проч. Разъ Мухаммедъ самъ говоритъ, что онъ не чудотворецъ, то, значитъ, всѣ подобныя чудеса ложны, только выдумки послѣдователей Мухаммеда изъ ревности къ его славѣ“. — „Нѣтъ, не выдумка, а все это было. Мухаммедъ такъ окруженъ былъ чудесами и такъ присмотрѣлся къ нимъ, что какъ бы не замѣчалъ ихъ“, возражалъ Мифтахутдинъ. — „Неправда. Разсматривая чудеса, приписываемыя мусульманскими историками лжепророку, узнали, что никто изъ современниковъ его чудесъ не видѣлъ, никто не засвидѣтельствовалъ, и эти чудеса объявлены спустя цѣлыя столѣтія послѣ смерти вашего пророка

Мухаммеда. Поклонники его за отсутствіемъ истинныхъ чудесъ, чтобы какъ-нибудь наполнить жизнь своего пророка чудесами для противопоставленія чудесамъ Христовымъ, нерѣдко фантазированіе его о будущемъ передѣлывали на настоящее и выдавали за чудо; наприм., разсѣченіе луны Мухаммедомъ. Въ преданіи говорится только, что въ числѣ признаковъ будущаго общаго воскресенія будетъ между прочимъ и то, что луна „разсѣчется на двое и т. под.“. Эти объясненія Мифтахутдинъ оставилъ безъ возраженій. Далѣе я сталъ продолжать чтеніе по вышеозначенной книжкѣ. По прочтеніи словъ: „Мухаммедане не только не молятъ своего пророка о спасеніи, но просятъ Бога, чтобъ Онъ помиловалъ самого Мухаммеда“, мой собесѣдникъ опять возмутился и сдѣлалъ возраженіе, говоря: „вотъ тутъ у васъ опять неправильно напечатано: мы за Мухаммеда не молимся, а сами молимся ему“. — „Если ты не вѣришь этимъ словамъ, то прошу читать объ этомъ самому въ книгѣ— „Условія вѣры“ на 32-й страницѣ.— „Нашимъ книгамъ всѣмъ тоже вѣры нѣтъ. Между ними есть и нехорошія, неправильныя книги, какъ и у васъ“, замѣтилъ Мифтахутдинъ.— „А какія книги у васъ заслуживаютъ вѣры“?— „У насъ, вѣрнѣе корана нѣтъ никакой книги, она—самая святая, Самимъ Богомъ данная Мухаммеду“, отвѣчалъ мой собесѣдникъ.— „А ты книгѣ „Условія вѣры“ вѣришь“? спросилъ я.— „Вѣрю. Но въ ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть тоже ошибки“. — „А ты прочтешь указанное мною въ ней мѣсто“?— „Прочту, отчего же не читать“?!— „Вотъ вы сами говорите, что всѣмъ книгамъ вашимъ нельзя вѣрить; изъ этого выходитъ, что онѣ ложны, разъ книги ваши ложны, то и вѣра ваша, значитъ, ложна. Ложность вашей вѣры показываетъ еще отсутствіе святыхъ и нетлѣнныхъ мощей, а у насъ, христіанъ, сколько ихъ! Намъ и не перечеть! Они, какъ явные признаки истинности христіанской вѣры, источаютъ съ вѣрою прибѣгающимъ къ нимъ въ болѣзняхъ и скорбяхъ различныя исцѣленія“. — „Въ нетлѣнности мощей вашихъ святыхъ нѣтъ ничего удивительнаго: джинны берутъ нечистой крови въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣжутъ скотъ, и поятъ этой кровью тѣла умершихъ грѣшниковъ (или вашихъ святыхъ) и чрезъ это силою джинновъ они не поддаются тлѣнію и лежатъ, краснѣя, какъ раки. Чудеса же бываемыя отъ нихъ, совершаются силою нечистыхъ духовъ, которые, желая зла человѣческому роду, всячески стараются задержать людей въ христіанской вѣрѣ, исповѣдующіе кото-

рую всё безъ исключенія будутъ на самомъ днѣ ада“. — „Богъ, сотворивъ человѣка, далъ ему въ земномъ раю заповѣдь, которую по внушенію діавола человѣкъ преступилъ и чрезъ то впалъ въ грѣхъ, затѣмъ послѣдовали проклятіе и смерть. Такъ какъ въ раю для грѣшниковъ мѣста нѣтъ, то первые люди были изгнаны изъ рая, райскія двери затворились навсегда, и возвратить потерянный рай роду человѣческому было невозможно. Всемилостивый Богъ, видя, что изъ людей ни у кого не хватаетъ силъ возвратить потерянный рай, сжалился и пришелъ на землю, не переставая быть Богомъ, сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ кромѣ грѣха, жилъ съ грѣшными вмѣстѣ, ѣлъ, пилъ, спалъ, молился, постился, училъ народъ добру, однимъ словомъ: во всемъ показывалъ людямъ примѣръ, какъ жить для полученія вѣчнаго блаженства. Враги Его, какъ ни старались обвинить Его въ чемъ-нибудь, не могли. Повтій Пилать, правитель Іудейскій, свидѣтельствуется говоря: „я никакой вины не нахожу въ Немъ“ (Іоан. 18 гл. 38 ст.). Разъ Его всё признали безгрѣшнымъ, ни въ чемъ неповиннымъ, то, значитъ, Онъ говорилъ только одну правду. Какъ послѣ этого не вѣрить слѣдующимъ изрѣченіямъ Его: „Если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе“ (Ев. Іоан. 3, 5). „Идите, научите всё народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Мѡ. 28, 19). „Покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе“ (Мрк. 1, 15). „Если кто увѣруетъ въ Меня, тотъ спасенъ будетъ“. На основаніи этихъ изрѣченій мы можемъ безъ сомнѣнія сказать, что христіане имѣютъ получить мѣсто въ раю, а некрещенные народы—въ аду“. — „Я вашему Евангелію не вѣрю: оно не отъ Бога послано, какъ Коранъ, а написано людьми“. — „Совершенно вѣрно, что написано людьми, учениками Его. Они все время были съ Нимъ, слышали своими ушами ученіе Его, видѣли своими глазами чудеса Его. Евангелистовъ всѣхъ четыре: Матѡей, Маркъ, Лука, Іоаннъ. Они по полученіи свыше благодати жили и проповѣдывали Христа Спасителя въ разныхъ странахъ. Живя въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, по требованію народа они изложили свое ученіе объ Іисусѣ Христѣ письменно, написали четыре Евангелія.

Истинность словъ и дѣлъ Спасителя подтверждается тѣмъ, что всё четыре Евангелія во всемъ согласны между собою, не смотря на то,

что написаны разными людьми въ разныя времена и въ разныхъ странахъ свѣта“.

Послѣ этого татаринъ не возражалъ, а сталъ собираться домой, приглашая насъ къ себѣ въ гости. Прощаясь же сказалъ: „мнѣ уже давно пора уходить, нашимъ разсужденіямъ, видно, конца не будетъ“.

— „Разсужденіе о вѣрѣ дѣло доброе, полезное и очень важное, такъ какъ отъ вѣры будетъ зависѣть наша загробная жизнь.“

Пожалуйте еще при удобныхъ случаяхъ“, отвѣтилъ я.

(Продолженіе будетъ).

отъ Бееѣда 10-я. 28 августа Мифтахутдинъ опять пришёлъ въ

мою квартиру.

Но на этотъ разъ мнѣ по служебнымъ обязанностямъ бесѣдовать съ нимъ не удалось. Я спросилъ только объ одномъ: читалъ ли Мифтахутдинъ указанныя мною мѣста въ „Коранѣ“ и въ „Условіяхъ Вѣры“?— Читалъ, отвѣтилъ онъ самодовольно.— „Я самъ такихъ книгъ не имѣю, а потому нарочно ходилъ къ муллѣ, который живетъ въ другихъ юртахъ. Прочитавъ съ муллою указанныя вами мѣста, мы пришли къ такому заключенію, что написано вовсе не то, о чемъ говорили вы“.— „Вы или не могли найти ихъ, или очень плохо понимаете по-арабски“, замѣтилъ я.— „Нѣтъ, нѣтъ, по-арабски мы очень хорошо понимаемъ. Нашъ мулла очень образованный, ученый человѣкъ. Не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ указанныя вами мѣста“.

— „Вы „Корана“ не поняли, прошу читать вторично внимательнонѣе“. Послѣ этого мнѣ пришлось разстаться съ Мифтахутдиномъ.

Бесѣда 11-я. Сентября 14 дня Муэдзинъ Мифтахутдинъ опять пріѣхалъ въ Бегишево по своимъ дѣламъ и, какъ знакомый человѣкъ, счелъ нужнымъ посѣтить насъ. Съ улыбкой и не снимая шапки въ головы, онъ поздоровался сперва со мной, а потомъ со всѣми бывшими въ комнатѣ. Я предложилъ ему мѣсто—сѣсть. Онъ сѣлъ, но въ шапкѣ. Всѣмъ извѣстно, что предъ иконами быть въ шапкѣ не принято. Мифтахутдинъ же, зная все это прекрасно, позволилъ себѣ сидѣть въ моей комнатѣ въ шапкѣ, показывая тѣмъ видъ, что иконы для него ничто и что мы ихъ напрасно почитаемъ. Я не могъ не замѣтить ему про это. Онъ снимаетъ шапку и спрашиваетъ: „почему вы такъ благоговѣнно почитаете иконы, которыя сдѣланы людьми-мастерами“?

— Почитать иконы велѣлъ самъ Богъ. Съ вѣрою прибѣгающіе къ нимъ въ нуждахъ, скорбяхъ и болѣзняхъ получаютъ чрезъ нихъ помощь отъ Господа. Вотъ я прочту тебѣ на татарскомъ языкѣ нѣкоторые случаи. Для чтенія я выбралъ книжку подъ названіемъ: „Училице благочестія“ на татарскомъ языкѣ и прочиталъ 6-ю статью о чудесномъ исцѣленіи отсѣченной правой руки Іоанна Дамаскина и о томъ, какъ стрѣла, выпущенная въ церкви арабомъ въ икону св. Георгія, возвратилась чудеснымъ образомъ къ стрѣляющему арабу и вонзилась въ его руку, и какъ этотъ арабъ въ послѣдствіи принялъ со всѣмъ своимъ семействомъ христіанскую вѣру. Рассказывалъ и о Нерукотворенномъ Образѣ Христа Спасителя. Мифтахутдинъ слушалъ съ интересомъ.

— „По—твоему Богъ гдѣ находится“? Спросилъ онъ, испытывая меня. — „Богъ находится вездѣ; нѣтъ нигдѣ такого мѣста, гдѣ бы не было Его: и вверху и внизу, и на правой сторонѣ, и на лѣвой, и впереди и сзади, однимъ словомъ: Онъ Вездѣсушій“.—И по—нашему такъ. А сколько по—вашему Боговъ?“ — „Богъ—одинъ, но троиченъ въ лицахъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святыи“.— „Богъ развѣ женатъ, что у Него есть Сынъ?“ На этотъ вопросъ я прочиталъ изъ книги: „Первоначальныя свѣдѣнія о православной христіанской вѣрѣ“ II главу—объ истинномъ Богѣ, III-ю о сотвореніи міра и IV-ю о томъ, какъ для спасенія человѣка Богъ пришелъ на землю и какъ, сдѣлавшись человѣкомъ, жилъ на землѣ и чему училъ людей. Во время чтенія татаринъ занимался чаепитіемъ и никакихъ возраженій не сдѣлалъ. Напившись чаю, онъ пошепталъ по своему обычаю положенную молитву и въ концѣ произнесъ вслухъ: „Аллахъ беръ“. Желая испытать, знаетъ ли онъ самъ то, что шепчетъ, я попросилъ его объяснить прочитанную молитву. Но Мифтахутдинъ не могъ дать надлежащаго объясненія. По моей просьбѣ прочиталъ онъ эту молитву поотчетливѣе и сказалъ, что мусульмане этою молитвою вспоминаютъ только единство Божіе.—Ваши магометанскія молитвы, Мифтахутдинъ, очень непонятны. Употребля ихъ, вы не знаете, о чемъ молитесь. Чѣмъ молиться безъ сознанія, механически, лучше не молиться совсѣмъ. Въ христіанскихъ же молитвахъ изложено все понятно, ясно. Вотъ напр., „Очи всѣхъ на Тя, Господи уповаютъ“... (молитва предъ вкушеніемъ пищи), „Благодаримъ Тя, Христе“, (послѣ вкушенія ея), „Къ Тебѣ, Владыко Человѣколюбче“... (мол. утрен.) и „Господи Боже нашъ“ (вечерн.). Всѣ эти молитвы были прочитаны на татарскомъ языкѣ, и по прочтеніи каждой изъ нихъ я спрашивалъ: „нравится ли такая молитва, понятна ли?“ Всѣ онѣ Мифтахутдиномъ были одобрены. Замѣчая желаніе моего собесѣдника послушать еще о чемъ-нибудь на татарскомъ языкѣ, я читалъ ему изъ Евангелія Луки о послѣднихъ дняхъ земной жизни Иисуса Христа. Слушалъ онъ все усердно.

Бесѣда 12-я. Сентября 26 числа въ приходской деревнѣ Ярковоѣ бываетъ мѣстный праздникъ въ честь преставленія Іоанна Богослова. По заведенному обычаю мы съ псаломщикомъ (священникъ былъ въ отсутствіи) ходили въ этой деревнѣ по домамъ съ поздрав-

леніемъ (пѣли тропарь и кондакъ праздника). Въ одномъ домѣ неожиданно встрѣчаемся съ Мифтахутдиномъ, моимъ знакомымъ, который, должно быть, пришелъ въ эту деревню тоже по случаю праздника. Поздоровались. Онъ сталъ просить въ гости къ себѣ въ юрты, прельщая близостью его дома отъ названной деревни (2 вер.). Я обѣщался. По моей просьбѣ согласился съѣздить къ нему и псаломщикъ.

Въ 1-мъ часу дня мы по обѣщанію подѣхали къ дому Мифтахутдина. На дворѣ встрѣтили насъ нѣсколько лицъ татаръ и таторчатъ. Среди нихъ съ важностью стоялъ и самъ Мифтахутдинъ, радуясь званымъ гостямъ. Войдя въ комнату, я поздоровался по-татарски сперва съ хозяйкой, а потомъ и съ другими. Въ другой половинѣ комнаты находились ученики татарчата, которые, замѣтивъ насъ, гурьбой повалили въ нашу комнату и стояли все время передъ нами, слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ. Не успѣли мы оглянуться, на столѣ ужъ все готово: самоваръ и прикуска, а вокругъ стола постланы подушки. Удовлетворя просьбу хозяина, я сѣлъ на подушку, сложивъ ноги „калачикомъ“, псаломщикъ же не могъ этого сдѣлать и устроился кое-какъ, полулежа, заставивъ этимъ окружающихъ смѣяться надъ нимъ. Особенно смѣшно показалось дѣтямъ—ученикамъ. Помолившись мысленно, я истово перекрестился, псаломщикъ послѣдовалъ моему примѣру. Нѣкоторые въ комнатѣ переглянулись. Хозяйка заинтересовалась моею личностью, моимъ знаніемъ татарскаго языка. Я ей подробно рассказалъ о себѣ, начиная съ покоренія Казанскаго царства до настоящаго времени. Выслушавъ мой рассказъ о старо-крещенныхъ татарахъ, хозяйка вмѣстѣ съ удивленіемъ выразила сожалѣніе, что „погублено много татаръ“. Желая доказать, что крещеные татары не погублены, а спасены, я прочиталъ изъ книжки „О превосходствѣ христіанства предъ магометанствомъ“ нѣсколько статей, которыя были выслушаны при всеобщемъ молчаніи безъ возраженій. По окончаніи чтенія псаломщикъ спросилъ: „когда у васъ нынче начнется постъ и въ знакъ чего онъ установленъ?“

(Продолженіе будетъ).

До нашего поста еще около трехъ недѣль. Постимся мы въ мѣсяцъ „Рамазанъ“. Въ этотъ мѣсяцъ былъ ниспосланъ Мухаммеду Коранъ съ неба; въ воспоминаніе такого событія у насъ и установленъ такой постъ, объяснялъ Мифтахутдинъ.

„Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ Мухаммедъ получилъ коранъ“? спросилъ

я хозяина. — „Это неизвѣстно“ отвѣтилъ онъ. — „Мухаммедъ совсѣмъ готовую, написанную книгу что-ли получилъ“? — „Нѣтъ, по внушенію Божію, Мухаммедъ самъ писалъ его по частямъ“. — „Какъ же онъ могъ писать, когда былъ неграмотный“? — „По волѣ Божіей онъ писалъ чудеснымъ образомъ только тогда, когда Богъ раскрывалъ ему свои тайны“. — „Я тебѣ, Мифтахутдинъ, въ прошлый разъ говорилъ, что Мухаммедъ не чудотворецъ и что онъ самъ объявляетъ въ коранѣ объ этомъ; если же вы этому не вѣрите, то я постараюсь доказать еще другимъ путемъ. Вы, мусульмане, говорите, что изо всѣхъ чудесъ, приписываемыхъ Мухаммеду, самое славное чудо, которое выше всѣхъ чудесъ Моисеевыхъ и Христовыхъ, было путешествіе его на небо, о чемъ разсказывается въ слѣдующемъ видѣ: Въ одну ночь, когда Мухаммедъ спалъ подъ открытымъ небомъ, архангелъ Гавріиль открылъ ему сердце и, напечатлѣвъ на немъ черную точку, исполнилъ его вѣры и знанія. Потомъ, летя на 70 равной величины крыльяхъ, онъ привелъ ему небесную лошадь аль-боракъ, на которой пророки ѣздили на божественныя посланничества. Эта лошадь быстра, какъ молнія, умна, какъ человекъ, только лишена дара слова. Какъ только она узнала, что имѣющій ѣхать на ней есть посредникъ, ходатай, виновникъ ислама, тотчасъ смирилась и, принявъ Мухаммеда на свой хребетъ, принесла въ Іерусалимъ. Здѣсь въ храмѣ онъ встрѣтился съ другими святыми, которые радостно приняли его и помогали молиться съ нимъ вмѣстѣ. Архангелъ Гавріиль и Мухаммедъ взошли потомъ на лѣстницу, которая тамъ находилась и достигли такимъ образомъ перваго неба — изъ чистаго серебра, гдѣ увидѣли они звѣзды, висящія на золотыхъ цѣпяхъ. Тамъ бодрствовали ангелы, чтобы демоны не приблизились къ раю. Ангелы имѣли форму животныхъ, и каждый изъ нихъ молился за тотъ видъ животныхъ, форму которыхъ онъ имѣлъ. Величайшій между всѣми былъ бѣлый пѣтухъ, голова котораго касалась втораго неба отстоящаго отъ перваго на 500 лѣтъ пути. Три голоса постоянно доходили до уха Божія: голосъ вѣрнаго, который безпрестанно читалъ коранъ, голосъ грѣшника, каждое утро просившаго о прощеніи грѣховъ, и голосъ гигантскаго пѣтуха, пріятнѣйшій изо всѣхъ голосовъ. Мухаммедъ въ этомъ жилищѣ принятъ былъ съ большими почестями, и Авраамъ привѣтствовалъ его, какъ величайшаго изъ сыновъ и проро-

ковъ. „Небо“, будто бы говорилъ праотець ему: „да совершить желанія твои, о сынъ мой, о великій изъ пророковъ!“ Потомъ въ самое короткое время, какъ только можно сказать слово, Мухаммедъ достигъ второго неба, желѣзнаго, гдѣ встрѣгилъ Ноя, Иисуса и Иоанна. На третьемъ небѣ изъ драгоценныхъ камней находился вѣрный, Божій, ангель, который управлялъ 100,000 другихъ ангеловъ; этотъ ангель столь великъ, что потребно 70,000 дней, чтобы пройти пространство, отдѣляющее одинъ глазъ его отъ другого. Предъ нимъ находилась доска, на которой онъ не переставалъ писать и стирать написанное. Это ангель смерти. Здѣсь имѣли жилище Давидъ, Соломонъ и Іосифъ. На четвертомъ небѣ изъ изумруда жилъ Енохъ съ безчисленнымъ множествомъ ангеловъ. Одинъ изъ нихъ такъ великъ, что касался пятого неба, отстоящаго отъ 4-го на 500 лѣтъ пути. Этотъ ангель безпрестанно стоналъ о грѣхахъ человѣческихъ. Пятое небо, жилище Аарона, состоитъ изъ чистаго золота. Тамъ хранится огонь гнѣва Божія на нераскаянныхъ грѣшниковъ. На шестомъ небѣ Моисей привѣтствовалъ Мухаммеда, какъ своего брата, но сокрушался при мысли, что послѣдней ввелъ болѣе мусульманъ на небо, чѣмъ онъ самъ ввелъ туда іудеевъ. На седьмомъ небѣ, состоящемъ изъ самаго чистаго свѣта, живетъ величайшій изъ твореній Божіихъ,—это ангель, имѣющій 70,000 устъ и 70,000 языковъ, изъ коихъ каждый говорилъ на 70,000 нарѣчій для праславленія Бога. Мухаммедъ достигъ даже до дерева Лотсъ, доступъ къ которому закрытъ для самихъ ангеловъ. Гавріиль оставилъ здѣсь пророка, который Израфиломъ приведенъ былъ къ престолу Вѣчнаго чрезъ два моря свѣта и одно море тьмы, и услышалъ онъ тамъ голосъ, говорящій къ нему: „Мухаммедъ, приблизься, и Богъ Всемогущій и славный приблизитъ Тебя!“ Мухаммедъ приблизился къ престолу Божію и прочиталъ на одной сторонѣ его: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухаммедъ пророкъ Его.“ Богъ прикоснулся къ нему и открылъ ему свои тайнства. Возвращаясь назадъ, Мухаммедъ нашель архангела Гавріила, который препроводилъ его въ Іерусалимъ, откуда пророкъ на той же лошади аль-боракъ отправился въ Мекку“.

Правовѣрные несомнѣнно убѣждены въ истинности сего лжечуда и повѣствованіе о немъ принимаютъ въ буквальный смыслъ. Такъ Д'оссонъ, излагая члены мухаммеданской вѣры (подъ § 28-мъ), го-

вориль: вознесеніе (миграджъ) пророка несомнѣнно: по волѣ Предвѣчнаго онъ поднялся съ плотію на самый верхъ неба.“ Есть преданіе, будто Айша говорила, что тѣло пророка въ то время было подлѣ нея, и что единъ духъ его совершилъ это ночное пугешествіе на небо. Вотъ вамъ разногласіе, это во-первыхъ; во вторыхъ, сказано, что Мухаммедъ видѣлъ звѣзды, висящія на золотыхъ цѣпяхъ. Это неправда, ложь. Раньше народъ былъ необразованный и думалъ, что звѣзды должны висѣть на чемъ-нибудь. Люди же нынѣшняго времени черезъ науку узнали, что звѣзды не на золотыхъ цѣпяхъ висятъ, какъ говорятъ вашъ пророкъ Мухаммедъ, а держатся на небѣ безо всякой посторонней помощи, и каждая звѣзда движется въ извѣстномъ направленіи, точно такъ же, какъ солнце, луна и земля, на которой мы живемъ.

— Объясни мнѣ, Мифтахутдинъ, по-твоему какой видъ имѣетъ земля и на чемъ она держится?“

— „По нашему земля имѣетъ видъ круглой тарелки и держится на водѣ“. „А на чемъ держится вода?“ — „Вода держится на вѣтрѣ или на воздухѣ“.

— „А вѣтеръ—на чемъ?“ На послѣдній вопросъ онъ глубоко задумался и старался что-то припомнить, но ничего не могъ придумать и въ концѣ концовъ сознался, что не знаетъ, позабылъ.

— „Не знаетъ ли ктонибудь изъ васъ гдѣ бываетъ вѣтеръ?“ обратился я къ ребятишкамъ.

— „Вонъ вѣтеръ дуетъ“, отвѣтилъ одинъ изъ учениковъ Мифтахутдина, указывая пальцемъ въ щель разбитаго стекла, гдѣ дулъ легонькій вѣтерокъ. Другой кричалъ: „вѣтеръ и въ полѣ дуетъ и въ лѣсу!“

— „А на землѣ дуетъ?“ — „Дуетъ“, отвѣтили все вразъ. — „Вѣтеръ, значить, находится, гдѣ?“ — „На землѣ“, отвѣтилъ самъ Мифтахутдинъ.

— „Комокъ земли, брошенный въ воду, держится ли на водѣ, какъ дерево?“ — „Нѣтъ“. — „Какъ же послѣ этого наша земля держится на водѣ? Наоборотъ: мы видимъ, что вода держится на землѣ. Еще ты сказалъ: „вода держится на вѣтрѣ“. Можно ли этому повѣрить?! Мы видимъ, какъ дождевыя капли падаютъ на землю во время даже сильнаго вѣтра; изъ этого видно, что вода не можетъ держаться на вѣтрѣ. Ты теперь понялъ, что имѣлъ о землѣ невѣрное, темное понятіе, съ которымъ никакъ нельзя согласиться. Ты, Мифтахутдинъ, поче-

му о нашей землѣ такъ думалъ?“ — „Объ этомъ я читалъ въ какой-то книгѣ“. — „А теперь ты этой книгѣ вѣришь, или нѣтъ?“

— „Нѣтъ, не вѣрю“. — „Ты не вѣришь теперь потому, что узналъ ложь. Въ вашихъ татарскихъ книгахъ во всѣхъ найдется ложь, если ихъ провѣрять со вниманіемъ. Еслибы ты не имѣлъ со мной разсужденія о землѣ, то, можетъ быть, и умеръ бы съ такимъ ложнымъ мнѣніемъ о землѣ. Благодаря нашему разговору, ты узналъ о ложности одной татарской книги. Такимъ путемъ не мѣшало бы разбирать вамъ всѣ магометанскія книги.“

Послѣ этого спрашиваю: „не знаешь ли ты, Мифтахутдинъ, отчего луна перемѣняетъ свою величину?“

— „Мы, люди, почему знаемъ, — это извѣстно только одному Богу. По волѣ Божіей она то увеличивается, то уменьшается или совсѣмъ пропадаетъ. Намъ объ этомъ невозможно узнать“. — „Намъ, темнымъ людямъ, необразованнымъ все кажется невозможнымъ, а для ученыхъ — возможно. Они черезъ науку, благодаря изслѣдованіямъ, добились, отчего это такъ происходитъ. Поняли, отчего получается день и ночь, и измѣняется видъ луны“. Далѣе я объяснялъ подробно о землѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, о затмѣніяхъ. При объясненіи для наглядности употреблялъ круглые шарообразные предметы. Не имѣя никакого понятія о небесныхъ тѣлахъ, послѣ моего объясненія татары, удивляясь, говорили: „мы ничего подобнаго до сего времени не слышали“.

— „Вы теперь поняли, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ неба ни серебрянаго, ни желѣзнаго, ни изумруднаго, ни золотого и звѣздъ, висящихъ на золотыхъ цѣпяхъ; слѣдовательно, рассказъ о ночномъ путешествіи Мухаммеда на небо является совершенно ложнымъ, тѣмъ болѣе, когда жена его Айша свидѣтельствуетъ, что Мухаммедъ въ то время отъ нея никуда не отлучался, а вы, мусульмане, считаете это за самое величайшее чудо. Когда самое главное чудо оказывается ложнымъ, то про остальные и говорить не нужно: всѣ они выдуманы послѣдователями Мухаммеда изъ ревности къ его славѣ. Каждое чудо, какъ непосредственное дѣйствіе силы Божіей, должно быть всегда достойно Бога. Какъ же послѣ этого можно признать за истинныя чудеса нелѣпыя и смѣшныя рассказы арабскихъ писателей, напримѣръ, о нисхожденіи солнца съ неба на дно Нила для осушки его грязи при переходѣ черезъ него

евреевъ; о проходѣ раздѣленной луны черезъ рукава Мухаммедова каф-
тана; о помѣщеніи Богомъ всего міра въ уголокъ орѣховой скорлупы и безъ
уменьшенія величины міра и безъ увеличенія самой скорлупы и т. п.?!
Чудеса мухаммеданства не имѣютъ и цѣли истинно божественныхъ
чудесъ. Цѣль послѣднихъ, какъ дѣйствій особенныхъ, сверхъестествен-
ныхъ, должна быть также какая-либо особенная, благая, которая бы со-
дѣйствовала роду человѣческому и каждому человѣку въ высокомъ дѣлѣ
вѣры и нравственности. Чудеса же, ложно приписываемыя мухаммедан-
ской вѣрѣ ея исповѣдниками, вовсе чужды этой цѣли“.

Все эти объясненія Мифтахутдинъ слушалъ, повѣсивъ голову въ
молчаніи и безъ возраженій. Послѣ этого у насъ разговоръ кончился,
и мы распростились.

Беседа 13-я. Октября 11-го дня я пришелъ въ домъ священ-
ника по своимъ дѣламъ только „на минуточку“ и засталъ тамъ раз-
носчика краснаго товара изъ татаръ Симбирской губерніи. Татаринъ
сталъ спрашивать меня по-татарски: нѣтъ ли у меня книгъ, напеча-
танныхъ русскимъ прифтомъ на татарскомъ языкѣ? „Есть“ — отвѣтилъ
я. — „Какое право вы имѣете читать такія безцензурныя книги и че-
резъ нихъ губить и развращать татаръ?“

— „А ты имѣешь ли право торговать краснымъ товаромъ?“ спро-
силъ я со своей стороны.

— „Еслибъ не имѣлъ, то не занимался бы этимъ“, рѣзко отвѣ-
тилъ онъ мнѣ. — „Совершенно правильно ты отвѣтилъ. Какъ ты тор-
гуешь при правахъ, такъ и я поступаю согласно закону. Не имѣя при
себѣ никакихъ запрещенныхъ закономъ книгъ, я смѣло читаю предъ
публикой означенныя книги и никого силой не заставляю вѣрить этимъ
книгамъ. Нравится — вѣрь, не нравится — не вѣрь, на что добрая воля
каждаго слушателя“.

— „Вы не имѣете права читать такія книги самовольно“.

— „Я самовольно и такъ ничего не дѣлаю“. — „Зачѣмъ же вы
читаете публично?“ — „Читаю публично, во первыхъ, потому, что книги
эти законны, а во вторыхъ, я приставленъ начальствомъ къ этому дѣ-
лу. Читая такія книги, я исполняю только порученіе начальства“. Онъ
замолчалъ, и я ушелъ.

(Окончаніе будетъ).

Бесѣда 14-я. Вспомнивъ просьбу муэдзина Мифтахутдина побывать у него въ гостяхъ со своей женой, я счелъ нужнымъ удовлетворить его, тѣмъ болѣе, что онъ отказывался бывать у насъ, если мы у нихъ не будемъ. Для сего выбралъ 18 число ноября, пятницу. Приѣхали. Жена Мифтахутдина, увидѣвъ подъѣзжающихъ гостей, вышла изъ комнаты встрѣчать. Замѣтивъ насъ, со всѣхъ сторонъ прибѣжали татарчата и окружили насъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже поздоровались по татарски. (Должно быть, знакомые). Хозяйка повела насъ въ комнату и послала мальчиковъ извѣстить мужа о нашемъ приѣздѣ; черезъ 10 минутъ явился въ очень довольномъ видѣ и самъ Мифтахутдинъ. Здраваясь съ нами, онъ благодарилъ за посѣщеніе.

— „Можно ли васъ угостить „баурсакомъ?“ спросила хозяйка,

собирал на столь нужное для угощенія. — „Нѣтъ, нельзя: теперь у насъ начался постъ, въ продолженіе котораго нашей церковью воспрещается употреблять въ пищу: мясо, молоко и яйца; поэтому мы отъ скоромной пищи отказываемся“. — „Почему это ваша вѣра разбираетъ въ постѣ пищу?“ спросилъ Мифтахутдинъ. — „Потому что наши посты установлены съ цѣлью воздержаться отъ грѣховъ. Отъ хорошей, сытной пищи человѣкъ всегда больше грѣшитъ и словомъ, и дѣломъ, и помысленіемъ. Поэтому наша св. церковь въ постѣ не дозволяетъ питаться сытной пищей, которая вводитъ человѣка въ грѣховныя мысли и дѣла. Употребляя пищу и питье въ ограниченномъ количествѣ, мы должны воздерживаться и духовно, т. е. въ словахъ, дѣлахъ и помысленіяхъ. Воздерживаться же отъ всякаго наслажденія мы должны по своей доброй волѣ, потому что воздержаніе поневолѣ, напримѣръ, отъ бѣдности или по болѣзни или же по тщеславію не есть постъ, ибо оно происходитъ отъ нужды, а не по доброй волѣ“. — „Вашъ постъ когда начался?“ спросилъ хозяинъ. — „Съ 14 ноября“. — „Въ честь чего установленъ у васъ этотъ постъ?“ — „Въ честь Рождества Спасителя нашего. Когда мы ожидаемъ къ себѣ почетныхъ гостей, то очищаемъ отъ грязи и наши комнаты, и одежды, и всѣ остальные вещи, однимъ словомъ: приводимъ всю домашность въ опрятный видъ. Какъ же послѣ этого намъ не очистить свою душу отъ грязи грѣховной тогда, когда ждемъ къ себѣ не земного какого-нибудь гостя, а небеснаго, Самого Всемилостиваго Бога, который изъ любви къ человѣческому роду для спасенія его отъ вѣчнаго адскаго мученія изволилъ принять на Себя плоть человѣческую кромѣ грѣха и жить въ семь мѣръ вмѣстѣ съ грѣшниками, показывая имъ во всемъ примѣръ, какъ жить для угожденія Богу и полученія жизни вѣчной во царствіи Его. Встрѣчая Такого неоцѣннаго небеснаго Гостя, мы должны очистить не комнаты свои или прочіе предметы, которыхъ Ему не нужно, а свою душу. Очищать же душу отъ грѣховъ мы можемъ только постомъ, молитвою и исповѣдываніемъ своихъ грѣховъ предъ священникомъ. Предаваясь многоядѣнію, какъ это дѣлается въ магометанской вѣрѣ во время поста, невозможно очистить душу отъ грѣховъ, и обьяденіе очень вредно какъ для души, такъ и для тѣла. — „Ну, теперь я понялъ вашъ постъ“, сказалъ Мифтахутдинъ. Послѣ этого всѣ смолкли. Я молчалъ съ цѣлью, чтобъ заговорили о чемъ-нибудь татары, но не могъ дож-

даться. Видя, что время проходит напрасно, начинаю опять самъ: „вотъ, вы видите, я имѣю длинные волосы, а вы ихъ бреете и носите вмѣсто нихъ арачинъ (или тюбетейку). Я знаю, для чего ношу длинные волосы, а вы знаете ли, для чего бреете волосы и носите арачинъ?“ — „Знаемъ, какъ не знать! Нашъ пророкъ Мухаммедъ велѣлъ брить и носить арачинъ, чтобъ отличать правовѣрныхъ отъ другихъ народовъ“, объяснилъ Мифтахутдинъ.

— „Развѣ нельзя сдѣлать этого чѣмъ-нибудь другимъ, напримеръ, можно отличатся формою одежды? Лжепророкъ Мухаммедъ былъ любитель войны, славы, чести и распространялъ свою вѣру войной, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы послѣдователи его были непобѣдимыми войнами. Для этого выдуманъ и бритье головы, такъ какъ въ рукопашныхъ бояхъ съ волосами неудобно. Мухаммедъ жилъ въ Аравіи, гдѣ очень жарко, отчего имѣющимъ бритую голову грозила смерть отъ солнечнаго удара. Во избѣжаніе такой опасности придуманъ арачинъ (или тюбетейка). Вѣрно ли я говорю?“

„А можетъ быть, и вѣрно: по твоему приходится“, отвѣтилъ Мифтахутдинъ. — „Въ жаркой странѣ тюбетейка была необходимою вещью для сохраненія жизни, здѣсь же, въ холодной странѣ, она не приноситъ никакой пользы для татаръ.“ „Мы вѣдь не татары“, возразилъ Мифтахутдинъ. „А кто же вы будете?“ — „Мы настоящіе мусульмане.“ — „Какая же разница между ними?“ — „Теперь татаръ нѣтъ ужъ; татарами назывались въ прежніе времена идолопоклонники, мы — не идолопоклонники, а потому насъ, мусульманъ, татарами нельзя назвать.“ Чашитіе кончилось. Помолвившись я поблагодарилъ за угощеніе сперва хозяина по принятому обычаю „за руку“, затѣмъ — хозяйку, которая тоже не отказалась протянуть руку, что я принялъ къ свѣдѣнію и говорю: „мухаммеданкамъ воспрещается давать руку мужскому полу, кто бы онъ ни былъ, кромѣ своего мужа“. Всѣмъ стало смѣшно, а хозяйкѣ стыдно. „Наши бабы этого не соблюдаютъ вѣдь“, заступился Мифтахутдинъ, оправдывая свою хозяйку. „И хорошее дѣло, что не соблюдаютъ то, чего не надо; и вамъ, мужчинамъ, не лишнимъ бы было бросить носить ненужную тюбетейку“, сказалъ я, заключая свою бесѣду. Затѣмъ, распростившись обычнымъ образомъ, мы уѣхали. Съ тѣхъ поръ пока не видимся.

Кромѣ этихъ записанныхъ бесѣдъ были еще подобныя имъ, или
одинаковыя по содержанію, которыя я не счелъ нужнымъ изложить
письменно. *Діаконъ Іоаннъ Купцовъ.*

1905 года Декабря 19 дня.